

15. Петрухин, В. Я. Земледелие / В. Я. Петрухин // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 312.
16. Пименова, М. В. Вегетативный код как способ описания внутреннего мира человека / М. В. Пименова // *Ethnohermeneutik und antropologie* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – S. 95–102.
17. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
18. Полный Церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2001. – 1120 с.
19. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М., 1949. – Т. 1.
20. Толстой, Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 3–14.
21. Топоров, В. Н. Из индоевропейской этимологии / В. Н. Топоров // Этимология 1991–1993. – М., 1994. – С. 126–164.
22. Топоров, В. Н. Растения / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 368–371.
23. Трубаев, О. Н. Термины кровного родства / О. Н. Трубаев // История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М., 1959. – С. 3–23.
24. Усачева, В. В. Зерно / В. В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 324–327.

УДК [316.7:316.343-058.13](571.1/.5)“18”

А. В. Циркин

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК И ОБРАЗ ЖИЗНИ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XIX в.

Неустойчивость русского взгляда на купеческое сословие, обусловленного чрезвычайно подвижными, а подчас кардинально меняющимися оценками, побуждает обратиться к личности купца с точки зрения его духовного облика и образа жизни. Генезис сибирского купечества протекал несколько иначе, чем в Европейской части России. Известно, что до середины XVIII столетия такого сословия в Сибири не встречается, хотя, вполне понятно, что какая-то часть посадского населения занималась торговлей и промыслами. И только начиная с 1750 года в официальных документах в отношении торгующих горожан стал применяться термин «купец».

Формирование купечества Сибири и его роль в экономической и культурной жизни региона интересовали исследователей начиная с 70-х годов XX столетия, но проблема разрабатывалась в ходе изучения сибирских городов в связи с их капитализацией [1]. Настоящий историографический прорыв в истории купеческой проблемы наступил в связи с изданием краткой энциклопедии истории купечества и коммерции Сибири в 90-х годах XX столетия [2].

Умонастроение сибирских купцов выражалось в иррациональном мышлении, продиктованном, с одной стороны, отдаленностью региона от культурных центров, а с другой – малозаселенностью и здешней суровой природой, что, естественно, накладывало отпечаток на их духовный мир и образ жизни. У сибирских купцов складывались своя культура и культурность. Этот элемент исторической судьбы сибиряков исследован недостаточно с точки зрения социализации личности купца. Не случайно Ключевский В. О., касаясь истории сословий в России, считал, что она имела двойное происхождение. В первом случае права и обязанности распределяются по праву силы между властью и подвла-

стным слоем, во втором – по экономическому весу между капиталистом и рабочими. То и другое в происхождении сословий имели неодинаковые действия на характер [3, с. 282].

Социокультурная парадигма купечества Сибири выстраивалась таким образом, что торгово-предпринимательская деятельность отодвигала их от культурной жизни региона, но одновременно на сознание купца влияла прирожденная религиозность, пробуждая в нем ценить нищелюбие и вершить благие дела обществу.

Одним из важнейших элементов культуры сибирского купечества служит их отношение к образованности. Старшее поколение стремилось не тяготить себя заботами о знаниях, довольствуясь тем, что давала им практическая работа, пополняемая нередко домашним образованием. Потребность в знаниях неизменно выдвигалась самой жизнью, особенно в тех случаях, когда купечество стало активно принимать участие в местных органах самоуправления. Постепенно формировалась потребность и необходимость отдавать своих детей в средние и высшие учебные заведения. Во второй четверти XIX столетия Сибирь была охвачена колонизационным процессом, сюда устремилось крестьянство, мещанство из центральных губерний России, которые приносили в местную среду свою культурность. Вероятно, это обстоятельство вынуждало местных купцов вплотную заниматься проблемами обучения своих детей, создавать в здешних краях учебные заведения, вкладывая в них немалые средства. Даже в далекой Якутии местный купец Москвин Николай Иосифович закончил иркутскую мужскую гимназию, а в 1870 году выдержал экзамен за университетский курс в Петербурге на звание учителя математики и географии. Впо-

следствии он стал преподавать в учебных заведениях Якутии [2, т. 3, кн. 1, с. 141-142]. Бийский купец Минин Ф. И., следуя традициям своего отца, занимавшегося созданием русско-монгольского словаря, пошел его путем, поступив и окончив восточный факультет Петербургского университета. После его окончания он работал сотрудником русского посольства в Монголии [2, т. 3, кн. 1, с. 111].

Вплоть до последней трети XIX столетия основной круг чтения сибирских купцов охватывал, в первую очередь, коммерческого характера литературу, дающую им элементарные знания о торговом деле. Тем не менее, среди местного купечества были случаи, когда отец препятствовал желанию сына учиться. В романе В. Я. Шишкова «Угрюм-река» описывается эпизод, когда Петр Данилович Громов на желание сына Прохора ехать учиться отвечал ему так: ученье может обождать, а вот торговлей следует серьезно заниматься, и отправил его по реке на север искать золото и пушнину [4, т. 1, с. 73-75].

Постепенно, под влиянием мигрантов из России и особенно в связи с просветительской деятельностью ссыльных декабристов, среди местного купечества стали появляться свои личные библиотеки. В далеком Нерчинске местный миллионер – купец Зензинов М. А. завел обширную библиотеку, включающую литературу разного профиля. Она стала тогда своего рода научным книжным центром, куда нередко заходили ученые: китаевед Н. Я. Бичурин, монголовед А. В. Игумнов и другие.

Зензинов М. А. стал собирать материалы по истории декабристов, изучая взгляды тех, кто находился в местах ссылки у Петровского завода. Другим его увлечением стало собирание коллекций растений местной флоры, что явилось подготовкой к изданию «Даурской флоры в рисунках». В саду своего большого особняка купец начал культивировать посадки арбузов, дынь и других южных культур. Интересны сами по себе его библиографические увлечения, завершившиеся составлением им библиографического указателя трудов по истории Сибири, которым пользовался известный российский библиограф Межев В. И. Все рукописи своих научных статей он впоследствии передал в Читинский и Кяхтинский музеи [2, т. 2, кн. 1, с. 54-56].

Иркутский купец Баснин И. Т., располагая крупными финансовыми средствами, создал в своем особняке большую библиотеку, включавшую часть перешедших ему от отца книг, среди которых имелись сочинения Н. И. Новикова, а потом он стал собирать издания и документы по истории края. В 1902-1904 годах он издает сборник документов, отражающих историю города Иркутска за первые столетия [5, с. 62-65]. Вскоре библиотека стала крупным книжным собранием, которым охотно пользовались ученые: норвежский путешественник Христофер Гентенс, немецкий ученый-монголовед Фредерик Даус. Увлечения Баснина И. Т. агрономическими исследованиями побудили его начать культивировать в Забайкалье свеклу и на ее основе построить первый в Сибири сахарный завод. Свое книжное собрание ку-

пец впоследствии передал в дар Румянцевскому музею в Москве [2, т. 1, кн. 1, с. 87-93].

Красноярский купец-первогильдиец Юдин Г. В., помимо торговой деятельности, большие средства тратил на создание крупнейшей в Красноярске библиотеки, оцениваемой в 3 млн рублей. В одном только 1898 году он израсходовал на приобретение книг 126,9 тыс. рублей. Этим книжным собранием в свое время пользовался В. И. Ульянов, отбывавший ссылку в селе Шушенском Красноярского края. Смолodu Юдин выработал у себя привычку – бережливость, и когда дело коснулось выпуска полной русской библиографии за период 1708-1893 гг., предпринятого одним известным библиофилом С. А. Венегровым, то Юдин, не задумываясь, профинансировал это культурное мероприятие, переведя на счет издательства 20 тыс. рублей [2, т. 4, кн. 3, с. 160-161].

Среди сибирского купечества были и такие, кто заводил свои типографии, выпуская разнообразную продукцию. Новониколаевский купец-первогильдиец Литвинов М.Н. в поселке Кривошеково завел свою типографию, оборудованную шведскими печатными машинами. Затем стал изготавливать открытки с видами Новониколаевска, а позднее – издавать брошюры типа «Годовщина города Новониколаевска» и справочную книгу «Весь Новониколаевск». Позднее он стал собирать материалы по изучению истории и быта жителей города [2, т. 3, кн. 1, с. 34-35; 6, с. 23-24].

Одним из слагаемых культурности сибирского купечества может служить их отношение к религии. Верование ими рассматривалось как абсолютная надежность данному слову при любых коммерческих операциях. Вера в Бога гарантировала защиту купца от любого обмана при торговых сделках. В Сибири немало было купцов, исповедовавших старообрядческие принципы, хотя особых старообрядческих кладбищ, как, например, в Москве – Рогожское, не встречается. Религиозная ментальность сибиряков проявлялась во многих отношениях. Одна из наиболее распространенных форм благотворительности в пользу церкви проявлялась в строительстве храмов, богоделен, церковно-приходских школ. Томский купец-первогильдиец Королев В. И. в 1886 году на строительство Преображенской церкви выделил 110 тыс. рублей [2, т. 2, кн. 2, с. 79-81]. Кяхтинский купец первой гильдии Немчинов Я. А. направил большую сумму денег на сооружение Преображенской церкви и Дома миссионера в Троицко-Савском уезде в 1862 году. Кроме того, он субсидировал строительство церквушки в Тунгусской степи в 1869 году [2, т. 3, кн. 2, с. 20-25]. Однако среди сибирского купечества были отдельные личности, которые пренебрегали религиозностью и в отдельных моментах даже считали, что Бога вовсе нет. В упоминаемом нами романе В. Я. Шишкова «Угрюм-река» в оставшихся после смерти Прохора Громова документах имелась такая запись: «Для меня нет бога, нет черта. Сентиментальное слюнтяйство для меня противно. Дорожу лишь теми людьми, кто мне

полезен, и до тех пор, пока они нужны мне» [4, т. 2, с. 500-501].

Оригинальной чертой духовной жизни сибирского купечества становится увлечение им театральным искусством, которое проявлялось в разнообразных случаях. Отдельные купеческие семьи выделяли значительные средства на строительство зданий для театра, другие заводили театральные ложи, некоторые специализировались в организации театрализованных балов и вечеринок. Тот же кяхтинский купец Немчинов Я. А. в 1884-1885 гг. выделил деньги на строительство в Иркутске второго театрального здания. Кстати, он же финансировал издание городской кяхтинской газеты. На его деньги в городе устраивались любительские спектакли, в которых он нередко принимал сам лично участие. Кроме всего этого, он в городе организовал молодежный клуб для детей купцов и приказчиков [2, т. 3, кн. 2, с. 20-25]. Иркутский купец-первогильдиец Второв А. Ф. для строительства в городе театрального здания выделил 100 тыс. рублей. Он финансировал и другие культурные мероприятия в городе, что, естественно, нашло отражение в награждении его Золотой медалью на Станиславской ленте. Вполне понятно, что для торгового дома «Второв А. Ф. с сыновьями», денежный оборот которых, по состоянию на 1911-1916 годы, составлял около 30 млн. рублей при чистой прибыли с 8,5 млн. рублей, выделить 100 тысяч на строительство театрального здания не представляло особой финансовой трудности [2, т. 1, кн. 2, с. 47-51]. Томский купец-первогильдиец Копылов Е. И. в местном городском театре имел свою ложу, которую он из-за жадности сдавал в аренду своему родному брату за 150 рублей в год [2, т. 2, кн. 2, с. 79-81].

В уральском городе Узел, где проживало немало купцов-промышленников, обитал купец-первогильдиец Ляховский И. Л., который нередко устраивал званые балы то по случаю дня рождения своей дочери Зоси, то по поводу хорошей финансовой сделки. Хотя он по природе своей был скупым и даже экономил на метлах и ругал своих дворников за то, что они не берегут метлы, тем не менее один из балов, организованный им, прекрасно описан писателем Маминым-Сибиряком в романе «Приваловские миллионы». В прекрасно оборудованном зале дома хозяина, освещенного тысячами свеч и светильниками, собралась вся узловская знать. Начался бал с полонеза Огинского «Прощанье с родиной». Беседуя с участником бала, Ляховский с горечью заметил, что для его организации потребовались большие суммы: «Деньги, деньги, деньги. И какой дурак придумал эти балы», - с некоторой обидой заметил он [7, с. 260]. Музыкальные вечера устраивал и другой сибирский купец Прохор Громов. Однако они по содержанию выглядели иначе. Этот купец любил гулянки, на которых собиралась местная знать, приглашались цыгане с хором, на столах – обилие всевозможных вин, водки и закуски. Действие начиналось игрой двух кабацких гармонистов, а кучер Прохора Яшка, одетый в бархатную жилетку, играл на берестяном рожке. Начинались танцы и

пляски. Местный дьяк в рясе ударился в пляс, трясая своим большим брюхом. Исправник, сняв шапку, начал выделять замысловатые движения, звеня шпорами, пошел в припляс [4, т. 2, с. 358-361].

На таких вечеринках иногда купцы бросались в разные чудачества, граничащие с шутовством. Гиляровский В. А. в своей известной книге «Москва и москвичи» описал такое чудачество московского купца Алексея Хлудова. Дело было в купеческом клубе в 1885 году на большой вечеринке. Хлудов восседал в железной клетке на табуретке в шелковой поддевке, в цилиндре, пил из серебряного стакана коньяк. У его ног сидела тигрица и била хвостом по железным прутьям, положив свою голову на колени Хлудову [8, с. 99].

На фоне безумной траты больших денег нередко встречались купцы, проявлявшие неоправданную скупость и жадность. Эта любопытная черта их образа жизни проявлялась хотя бы в том, что они экономили даже на метлах, как у купца Ляховского. Но были проявления скупости и в другом. Например, когда Петр Данилович Громов – отец Прохора, прибыл в уездный городок и зашел в местную гостиницу, то потребовал хороший номер (там их в таком захолустном городе не было) за небольшую плату. На что коридорный ему ответил, что таковых здесь никогда не бывало [4, с. 116]. Якутский купец-первогильдиец Кушнарев А. М. – старообрядец, вышедший из крестьян, имел многочисленные лавки в городах Витим, Олекменск, Охотск, Томск и получал большие деньги с торговли, но ни одного рубля не выделял на благотворительность [2, т. 2, кн. 2, с. 163-164]. Нерчинский купец Бутин М. Д. слыл среди своих горожан как «скупой рыцарь», хотя, по легендам, имел в своих амбарах бочки с золотом. Имея в своем распоряжении 50 приисков, которые в 1863 г. давали ему доход в 10 млн рублей, он очень скромно отдавал деньги на благотворительность. В его роскошном и богато украшенном доме, построенном в мавританском стиле, где паркет пола оформлен даурским красным деревом, имелась богатая библиотека в 25000 томов разных изданий. Он все же скупился жертвовать на благие дела даже в те несчастные дни, когда город одолевала пожары [2, т. 1, кн. 1, с. 161].

Совсем иначе поступали купцы очень богатые, которые для себя строили особняки под стать московским. У иркутского миллионера Сибирякова А. М. золотые прииски в конце XIX столетия приносили 275 пудов золота. Он много тратил средств на благотворительность. На его деньги была организована большая северная экспедиция под руководством известного полярника Нильсона Норшеншельда, главная задача которой – найти удобные пути освоения Сибири и Дальнего Востока. Местные иркутские купцы недолюбливали ученого-коллегу, поскольку он не участвовал в купеческих развлечениях [2, т. 3, кн. 3].

Благополучие и процветание купеческой семьи во многом зависело от складывающихся семейных отношений, от образа жизни внутри рода. Видимо, не случайно в купеческой семье, как ни в какой другой, весьма живучи традиции и обычаи.

Нравственные устои являлись одной из движущих мотивов укрепления в ней старшинства. Другой пружиной сохранения единства и преемственности являлась неделимость нажитого капитала. Когда умирал старший в семье, духовным завещанием четко расписывалось все то, что было нажито, между оставшимися родственниками [9, с. 417].

Видимо, в конце XIX столетия многие купцы старшего поколения поняли необходимость образования своих наследников и поэтому охотно субсидировали строительство школьных зданий, выступали попечителями народных образовательных учреждений. Глава семьи формировал модель поведения своих отпрысков, учил их бережливости и святости. Семейный уклад держался на авторитете старшего. Рано дети приобщались к коммерческой деятельности, видя в этом залог ее крепости и могущества. В этом отношении поучительна жизнь Владимира Алексеева, отца будущего реформатора русского театра К. С. Станиславского, начавшего свою деловую жизнь, будучи мальчиком, в 14 лет [9, с. 447].

Купец-первогильдиец Морозов Г. Е., создавший со своими сыновьями торговый дом «Морозов с сыновьями» с оборотом в 3,9 рублей, умирая, завещал своему сыну Михаилу Григорьевичу продолжать дело, соблюдая, естественно, семейные традиции и обычаи [2, т. 3, кн. 1, с. 133-140]. Аналогично поступил и кяхтинский купец Немчинов Я. А., завещав свои капиталы сыну, Андрею Яковлевичу, с надеждой, что он не изменит семейным традициям.

Сибирская семья устойчиво придерживалась патриархального быта, который выстраивался на самодержавном начале главы семьи. Всей властью в семье обладал старший мужчина – отец или старший брат. Только изредка после смерти мужа бразды правления в семье брала его жена. Так, кстати, получилось в купеческой семье Шаниных из Омска, где после смерти мужа Мария Александровна взяла руководство в свои руки. У нее все получилось неплохо. Торговый оборот ее торговых заведений в городе достиг к 1913 году 2 млн рублей. На свои деньги она построила в Омске электростанцию на Гостфорской улице [2, т. 4, кн. 3, с. 8].

Ярко раскрывается купеческая мораль, как уже отмечалось выше, в духовных завещаниях. Чтобы избежать материальных потерь, в документе оговаривались все суммы и условия их перехода к наследникам. В Сибирской купеческой среде не допускалось принятие в свои ряды выскочек, быстро-успевавших на удачной спекуляции дельцов или купцов, не имевших родословной, получивших дворянское звание.

Когда случалось, что сын по тем или иным причинам отходил от купеческой идеологии, то он всегда лишался того наследства, которое ему определялось духовным завещанием, и его лишали купеческого звания. При многочисленности купеческой семьи, где число наследников исчислялось несколькими десятками, в духовном завещании все тщательно прописывалось, кому и сколько. Во всяком случае, купеческая семья – это нечто вроде до-

машней крепости, где царил не только порядок в деньгах, не только ежедневный подсчет прибыли и расходов, но непоколебимые традиции, которыми всегда были сильны купеческие сообщества.

Литература

1. Люцедарская, А. А. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска во 2-й половине XVII в. // Города Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 65-76; Леонтьев, Г. А. Роль служивых людей в торгово-промышленной жизни г. Нерчинска в XVII-XVIII вв. // Сибирские города. – Новосибирск, 1978. – С. 76-94; Рабинович, Г. Х. Из истории торгового капитализма Сибири / А. Ф., Н. А. Второвы / Из истории Сибири. – Вып. 4. – Томск, 1972. – С. 253-258; Он же. Крупная буржуазия Новониколаевска (Новосибирска) / В период капитализма // Из истории Алтая. – Томск, 1978. – С. 68-94; Громыко, М. М. Верхнетурский купец Погодашин // Вопросы истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1973. – С. 137-146; Она же. Сибирский купец Корнильев // Известия СО АН СССР, Серия Общественные науки. – Новосибирск, 1972. – Вып. 2. – № 6. – С. 28; Старцев, А. В. Меценаты. Штрихи к социальному портрету алтайского купца // Алтайский сборник. – Вып. 14. – Барнаул, 1991; Разгон, В. Н. Менталитет сибирского купечества в XVII – первой половине XIX вв. // Предпринимательство в Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 10-16; Гончаров, Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. // Историко-демографические проблемы Сибири. – Барнаул, 1995. – С. 72-87; Скубневский, В. А. Предприниматели Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 3-45; Меньшиков, В. Н. Городское купечество Ишима. – Ишим, 1997. – С. 95-101; Мешалкин, П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов. – Красноярск, 1991. – 283 с.
2. Краткая энциклопедия истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск: ПИПЭЛ, 1994-1999.
3. Ключевский, В. О. История сословий в России. Соч. в 8 т. / В. О. Ключевский. – М., 1957. – Т. 6. – С. 285-293.
4. Шишков, В. Я. Исторический роман «Угрюм-река»: в 2-х т. / В. Я. Шишков. – М.: Правда, 1962. – Т. 1. – 486 с.; Т. 2. – 527 с.
5. Кудрявцев, В. А. Иркутск / В. А. Кудрявцев, Г. Вендрих. – Иркутск: ВСКИ, 1971. – С. 62-65.
6. Горюшкин, А. М. и др. Новосибирск в историческом прошлом / А. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1978. – С. 23-26.
7. Мамин-Сибиряк, Д. И. Исторический роман «Приваловские миллионы» / Д. И. Мамин-Сибиряк. – М.: Правда, 1983. – С. 253-260.
8. Гиляровский, В. А. Москва и москвичи / В. А. Гиляровский. – М.: Правда, 1971. – С. 98-110.
9. Ульянова, Г. Н. Предприниматели: тип личности, духовный мир и образ жизни / Г. Н. Ульянова // История предпринимательства в России. Кн. 2-я. – М.: РоссПЭН, 2001. – С. 441-466.